

ДЖИЛЛИАН ТЕТТ

Проклятие эффективности, или Синдром «шахты»

Как преодолеть разобщенность
в жизни и бизнесе

Издательство «Олимп–Бизнес»
Москва, 2022

Оглавление

От автора	7
Введение. Блумберг и его «скупсы»	13
Часть 1. Функциональные «шахты» и «бункерное» мышление	39
Глава 1. Нетанцующие	41
Глава 2. Ловушки для осьминогов	69
Глава 3. Когда гномы слепнут	102
Глава 4. Матрешки	130
Часть 2. Разрушители «шахтной» структуры управления	167
Глава 5. Программисты с табельным оружием	169
Глава 6. Социальное (пере)программирование	198
Глава 7. Перевернуть окуляр	232
Глава 8. Бадьи в разрезе	264
Заключение. Как соединить разделенное	296
Примечания и библиография	306

Часть 1

Функциональные «шахты» и «бункерное» мышление

Нетанцующие

КАК АНТРОПОЛОГИЯ ПОЗВОЛЯЕТ ОБНАРУЖИТЬ СИНДРОМ «ШАХТЫ»

Каждый установленный порядок имеет тенденцию к созданию абсолютно произвольной системы, которая кажется абсолютно естественной.

Пьер Бурдьё^{*1}

Был темный зимний вечер 1959 года. В ярко освещенном зале крошечной деревушки в отдаленном уголке на юго-западе Франции, в Беарне, проходил рождественский бал. Десятки молодых мужчин и женщин танцевали любительский джайв^{**} под музыку 1950-х. Женщины были одеты в широкие юбки, красиво обвивающие бедра в такт быстро сменяемым шагам, мужчины — в модные костюмы с укороченными пиджаками^{***2}. В стороне от толпы стоял Пьер Бурдьё, француз лет тридцати с напряженным, сосредоточенным выражением лица. Он фотографировал веселящихся людей, подмечая особенно интересные моменты.

Бурдьё вырос в этой долине в семье крестьян и говорил на гасконском диалекте, непонятном для парижан, и поэтому чувствовал себя здесь как дома — но только отчасти. Двадцать лет назад Бурдьё, отличавшийся яркими способностями, получив стипендию, оставил деревню,

^{*} *Bourdieu, Pierre. Outline of a Theory of Practice.*

^{**} Джайв (*англ. jive*) — танец афроамериканского происхождения, появившийся в США в начале 1940-х. Входит в латиноамериканскую программу бальных танцев.

^{***} *Bourdieu, Pierre. The Bachelor's Ball: The Crisis of Peasant Society in Baeam.*

чтобы продолжить обучение в элитном университете Парижа. Затем до начала научной карьеры он успел поучаствовать в жестокой Алжирской войне^{*}.

Все это придавало Пьеру Бурдые необычный статус «своего-чужого». Мир танцующих был хорошо известен ему, но будущий ученый уже не был творением исключительно этого маленького уютного мирка. Он легко представлял себе вселенную за пределами Беарна, представлял другие танцевальные вечера. И, наблюдая за происходящим немного отстраненным взглядом, он мог видеть то, чего не замечали его друзья. В центре зала, освещаемом ярким светом ламп, кружилась молодежь — единственное, что привлекало внимание жителей деревни, единственное, что они будут вспоминать годы спустя, ведь танцевальные залы созданы для *танца*. Но, как писал позже Бурдые, «за пределами танцевальной зоны темной массой молчаливо стояла группа людей постарше. Это были мужчины в возрасте около тридцати лет, одетые в береты и немодные темные костюмы. Подталкиваемые искушением присоединиться к танцу, они двигались вперед, сужая пространство, отведенное для танцующих... но не танцевали»³. Никто *не смотрел* на ту часть зала, ее игнорировали. Но она все же существовала, как и сами танцующие. «Там собрались одни холостяки!» — заметил Бурдые. Люди в зале каким-то образом разделились на два лагеря. Танцующие и *нетанцующие*.

Но почему возникло такое разделение? Бурдые получил подсказку за несколько дней до этого вечера, встретившись со старым школьным другом. В какой-то момент мужчина достал старую довоенную фотографию, на которой были запечатлены их одноклассники, еще совсем дети. «Мой товарищ, который к тому времени стал клерком низшего звена в соседнем городе, прокомментировал [фотографию], безжалостно протянув: „Безнадежный холостяк!“», это касалось почти половины [изображенных на фотографии]»^{**4}, — писал Бурдые. Его школьный друг не хотел никого оскорбить, это было простой констатацией факта. Многие мужчины в деревне

^{*} Алжирская война (1954–1962) — асимметричный военный конфликт между французской колониальной администрацией в Алжире и вооруженными группировками, выступающими за независимость Алжира от Франции. Несмотря на фактическое военное поражение алжирских повстанцев, конфликт завершился признанием Францией независимости Алжира. — *Прим. ред.*

^{**} *Bourdieu, Pierre. Sketch for Self-Analysis.*

не могли жениться, потому что стали непривлекательными — по крайней мере, по мнению местных женщин.

Эта проблема «непригодности для брака» привела к радикальным экономическим переменам. До начала XX века большинство семей в Беарне занимались фермерством, и их старшие сыновья, как правило, были самыми влиятельными и богатыми мужчинами, так как, по местной традиции, они наследовали фермы. Местные женщины считали сыновей-первенцев выгодными партиями, особенно по сравнению с младшими сыновьями, которым зачастую приходилось оставлять земли в поисках средств к существованию.

Но война сломала традиционный уклад жизни: сельское хозяйство Франции пришло в упадок, и мужчины, имеющие возможность оставить фермы, искали хорошо оплачиваемую работу в городе. В поисках работы в большие города стали перебираться и молодые женщины. Старшие сыновья, которые традиционно были привязаны к земле, остались не у дел.

В повседневной жизни жители деревни не говорили об этом. Но неформальная классификация неизменно проявлялась и подкреплялась рядом маленьких, казалось бы обыденных культурных символов, которые формировали естественный порядок вещей. Для жителей Беарна было очевидно, что джайв 1950-х годов, широкие юбки, тесные мужские костюмы были популярным городским явлением; умение танцевать сигнализировало о причастности к современному миру, а значит, и о том, что мужчина подходит для создания семьи.

Бурдые интриговали не только *причины* подобного экономического сдвига, но и то, *почему* все с такой легкостью приняли эту систему классификации и негласные культурные нормы. Различие между подходящими и не подходящими для брака мужчинами — или людьми, которые умели или не умели танцевать джайв, — не было официально зафиксировано. Никто не вел публичные дебаты на эту тему. Во Франции 1950-х годов не было официальных правил, запрещающих фермерам исполнять джайв или учиться танцевальным шагам, покупать модные костюмы или просто веселиться на танцплощадке. Но каким-то образом эти мужчины сами поставили себе *запрет*: они добровольно отнесли себя к социальной категории людей, которые «не умеют танцевать». И последствия для этих мужчин были печальными. «Я думаю о старом школьном друге, которого отличало почти женское чувство такта и прекрасные манеры», — писал Бурдые,

отмечая, что его друг «написал мелом на воротах конюшни даты рождения своих кобыл и женские имена, которые он дал им» в качестве грустного протеста против статуса холостяка и одинокой жизни⁵.

Так почему же мужчины не протестовали против столь трагичного положения? Почему просто не начали танцевать? И почему девушки не осознавали, что игнорируют половину мужчин? Действительно, почему люди вообще принимают системы классификации, сложившиеся в их социальной среде, особенно если эти нормы и системы потенциально вредны?

Танцпол послевоенного Беарна далек от мэрии Блумберга как в географическом, так и в культурном смысле. У стратегий брачного выбора мало общего со стратегиями деятельности банков. Но при этом французские крестьяне и нью-йоркские чиновники неразрывно связаны. Эти два мира — а также и другие социальные системы, которые когда-либо изучали антропологи, — объединяет одна общая черта: тенденция к использованию формальных и неформальных систем классификации и культурных правил для разделения мира на изолированные группы.

Для формализации этого процесса служат установленные системы подчинения и четко прописанные правила. Но зачастую подобное разобщение становится результатом тысячи мельчайших, казалось бы не имеющих значения культурных традиций, правил, символов и сигналов, которые мы едва замечаем, потому что они очень глубоко укоренились в нашей среде и нашем менталитете. Культурные нормы настолько неразрывно вплелись в нашу повседневную жизнь, а система классификации, которую мы используем, кажется нам столь естественной и неизменной, что мы редко подвергаем ее сомнению.

Присущий всем и каждому, процесс классификации является неотъемлемой частью жизни человека. Это одна из тех вещей, которые отличают нас от животных. Тому есть веская причина: ежедневно мы сталкиваемся с таким количеством трудностей, с которым наш мозг не мог бы справиться, если бы мы не создали определенный порядок, классифицируя мир по удобным фрагментам. Тривиальный, казалось бы, эксперимент с телефонными номерами помогает проиллюстрировать это.

В 1950-х годах Джордж Миллер*, профессор психологии из Гарвардского университета, изучал функционирование кратковременной

* Джордж Армитаж Миллер (англ. George Armitage Miller, 1920–2012) — американский психолог.

памяти телеграфистов и телефонистов. Исследование продемонстрировало, что человек, которому показали ряды цифр или букв, запоминает лишь ограниченный объем информации⁶ в силу естественных пределов наших возможностей. Миллер полагал, что естественная граница лежит в диапазоне от пяти до девяти символьных знаков (*data points*), а средним значением является «магическое число семь». Позднее другие психологи предположили, что граничное значение приближается к четырем. Так или иначе, в заключении Миллера есть и важная оговорка: если мозг «учится» укрупнять единицы информации, объединяя ее в группы, как бы создавая ментальную картотеку, то человек сможет запомнить больше.

Итак, мы запоминаем числа, если представляем их как группы цифр, но не запоминаем, если для нас это просто непрерывные цифровые ряды. «Человек, который только начинает учить телеграфный код, слышит каждую точку и тире как отдельный элемент. [Но] вскоре он учится преобразовывать эти звуки в буквы... [затем] в слова, а это более крупные фрагменты данных, и [затем] он начинает воспринимать целые фразы⁷, — объясняет Миллер. — Перекодировка — это крайне мощное оружие по увеличению количества информации, которую мы можем обрабатывать».

Подобное же правило применимо и к долговременной памяти. Психологи заметили, что наш мозг зачастую имеет дело с так называемыми мнемоническими приемами или ментальными маркерами (*mental markers*), благодаря которым мы группируем наши мысли и воспоминания по определенным темам, чтобы упростить запоминание. Это, так сказать, неврологический эквивалент создания тематических файлов в традиционных картотеках с цветными, легко заметными и запоминающимися ярлыками.

Иногда процесс группировки происходит сознательно. Но, по мнению психолога Даниэля Канемана, чаще всего человек делает это неосознанно⁸. В любом случае группировка идей позволяет нам устанавливать порядок и организовывать наши мысли. «Нельзя думать или принимать решения и тем более создавать новые идеи... без использования ментальных моделей для упрощения ситуации, — заявляют консультанты по вопросам управления Люк де Брабандер* и Алан Айни**. — Невозможно иметь дело

* Люк де Брабандер (*фр.* Luc de Brabandere, р. 1948) — профессор института École Centrale Paris, старший советник компании The Boston Consulting Group.

** Алан Айни (*англ.* Alan Iny) — сотрудник компании The Boston Consulting Group.

с множеством сложных аспектов реальной жизни, предварительно не разобрав их „по коробкам“»^{*9}.

Однако потребность в систематизации мира обусловлена не только *внутренними* мыслительными процессами людей. Социальное взаимодействие также требует общих систем классификации. Этим, по сути, и является язык, а именно — соглашением, заключенным людьми по поводу того, как и какие звуки будут отражать те или иные сегменты мыслей.

Помимо вербальных средств общения, в организациях и социальных группах существуют и культурные нормы, определяющие использование пространства, взаимодействие людей друг с другом, поведение и мышление. Важной частью принятых социальных норм и, возможно, даже центральным элементом «культуры» является общепринятая совокупность идей о том, как систематизировать мир и создать в нем ощущение порядка. Так же, как наш мозг нуждается в систематизации представления об окружающем мире для того, чтобы мы могли думать, общества нуждаются в общей таксономии^{**}, чтобы функционировать.

В XVII веке французский философ Рене Декарт^{***} заметил: «Я мыслю, следовательно, я существую» (или на латыни и на французском языке соответственно: «*cogito ergo sum*» и «*je pense, donc je suis*»)^{****10}. Но в равной степени правдивым будет высказывание: «Я классифицирую, следовательно, я мыслю и являюсь социальным существом».

В то время как процесс классификации универсален, способ классификации таковым не является: различные общества используют множество различных систем классификации для организации представления о мире.

* *Де Бранднер Л., Айни А.* Думай в других форматах. — М.: Эксмо, 2015.

** Таксономия (от др.-греч. τάξις — строй, порядок и νόμος — закон) — учение о принципах и практике классификации и систематизации. Впервые предложенный в 1813 году биологом, термин позднее стал использоваться для обозначения общей теории классификации и систематизации сложных систем как в биологии, так и в других областях знаний, в лингвистике, географии, геологии.

*** Рене Декарт (*фр.* René Descartes, 1596–1650) — французский философ, математик, механик, физик и физиолог, создатель аналитической геометрии и современной алгебраической символики, автор метода радикального сомнения в философии, механицизма в физике, предтеча рефлексологии.

**** *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. — М.: Академический проект, 2011.

Они различаются даже по таким, казалось бы, универсальным вопросам, как природные явления. Теоретически люди должны видеть цвета одинаково. Мы все живем в одной вселенной с одним и тем же оптическим спектром, и у большинства из нас одинаковые зрочки (за исключением людей, страдающих дальтонизмом*). Но на практике человеческие общества классифицируют цвета неодинаково.

На протяжении десятилетий антрополог Брент Берлин и лингвист Пол Кей** изучали то, как языки мира описывают цвета¹¹. Они обнаружили по меньшей мере семь различных подходов. Так, например, в Африке есть группы, которые делят мир всего на три цветовых сегмента (условно: красный, черный и белый), в то время как некоторые западные общества выделяют в пять раз больше категорий. Данное открытие подтолкнуло двух когнитивных антропологов*** — Кэролайн Истмен**** и Робина Картера (специалистов, анализирующих культуру и мышление) — к выводу, что хотя цветовой спектр объективно универсален, но то, как мы классифицируем цвета, — нет. «Цвет можно примерно представить в виде шкалы, на которой отражается излучение различных длин волн (оттенки цвета) и яркости, — пишут Истмен и Картер. — Каждому цвету соответствует участок этой шкалы, содержащий доминирующую длину волны, которая, как правило, определяет цветовой тон данного цвета. [Но] несмотря на то что восприятие доминирующей длины волны совпадает как между социокультурными сообществами, так и внутри сообществ, на границах [цветового диапазона] такого совпадения нет»¹².

* Дальтонизм, цветовая слепота — наследственная, реже приобретенная особенность зрения человека и приматов, выражающаяся в неспособности различать один или несколько цветов. Названа в честь Джона Дальтона, который впервые описал один из видов цветовой слепоты на основании собственных ощущений в 1794 году.

** Овертон Брент Берлин (*англ.* Overton Brent Berlin, р. 1936) — американский антрополог, наиболее известный своей работой с лингвистом Полом Кеем и этнобиологическим исследованием племени майя в штате Чьяпас, Мексика.

Пол Кей (*англ.* Paul Kay) — почетный профессор Калифорнийского университета в Беркли.

*** Когнитивная антропология изучает структуры и организации различных культурных систем (а не сами по себе элементы культуры). При этом подразумевается, что у каждого народа система восприятия, мышления, поведения, эмоций — различна. — *Прим. ред.*

**** Кэролайн Истмен (*англ.* Caroline Eastman) — профессор Университета Южной Каролины.

Способы классификации других сторон мира природы также различаются. Птицы обитают почти во всех уголках планеты, но некоторые культуры относят птиц к животным и не выделяют их подвиды; в других же — ведется их подробная классификация. Например, английскому слову «seagull»* (наиболее многочисленный род птиц семейства чайковых) не так легко подобрать эквивалент на других языках.

Подобным же образом различные категории животных могут вызывать различные ассоциации в различных регионах. К примеру, Джаред Даймонд** наблюдал за тем, насколько по-разному в различных культурах мира формируется отношение к флоре и фауне. (Иногда Даймонд называет себя «экологическим антропологом», указывая на еще одну разновидность антропологии.) Например, ученый замечает, что в то время, как понятия «лошадь» во Франции или «кошка» в Китае ассоциируются с мясом, в Америке данные категории животных не относят к пригодным для употребления в пищу¹³.

Классификации социальных отношений различаются еще больше. Стремление к продолжению рода универсально. Однако антропологи и лингвисты обнаружили, что существует по меньшей мере шесть различных систем терминов родства в обществах по всему миру (в антропологии культуры они известны как «суданская», «гавайская», «эскимосская», «ирокезская», «омаха» и «кроу» системы).

Еще значительнее различия в том, как общества организуют пространство, распределяют домашние хлопоты, понимают обычаи, ведут экономическую деятельность или отсчет времени. В некоторых культурах за приготовление пищи отвечают исключительно женщины, это входит в сферу их обязанностей. Но в США приготовление барбекю на лужайке зачастую классифицируют как «мужское» занятие.

Аналогично в иудаизме святым днем считают субботу, у мусульман это пятница, в то время как в христианских культурах таким днем является воскресенье. Во многих не западных обществах, например в племенах бассейна реки Амазонки, не существует семидневной недели и тем более выходных. Так же и с танцами. Во многих обществах существуют национальные

* В переводе на русский язык — «чайка».

** Джаред Даймонд (*англ.* Jared Diamond) — американский эволюционный биолог, географ, биогеограф и автор нескольких научно-популярных работ, тематика которых объединяет антропологию, биологию, лингвистику, генетику и историю.

танцы. Однако в некоторых культурах танцы имеют ритуальное значение, в то время как в других они считаются мирским занятием и не несут никакой религиозной коннотации. В некоторых регионах мужчины не танцуют с женщинами, а в других культурах подразумевается, что мужчины и женщины должны танцевать вместе.

Но между этими столь различными ситуациями есть нечто общее: в зависимости от того, где и как люди танцуют, едят, готовят, организуют пространство и семейную жизнь, они полагают, что их способ поведения является «естественным», «нормальным» или «предопределенным». При этом они, как правило, полагают, что таковым не является то, как *другие* люди танцуют (или классифицируют мир).

Данное разнообразие иллюстрирует простой, но крайне важный вывод: модели поведения, которые мы используем для организации нашей жизнедеятельности, определяются социальными, а не биологическими факторами. И, как любое социальное явление, они поддаются анализу. Анализу, идея которого родилась у Пьера Бурдьё, одного из отцов современной антропологии, когда в далекий рождественский вечер он наблюдал за танцующими (и нетанцующими) в танцевальном зале Беарна.

Бурдьё никогда не стремился стать антропологом. Ранние годы жизни он провел, полагая, что лучший, если не единственный, способ познания мира — это изучение философии. Такой взгляд на свое будущее для молодого человека был вполне естественен, если вспомнить, что он жил в послевоенной Франции, во времена, когда необычайной популярностью пользовались идеи Жана-Поля Сартра*. «Человек становится философом [в дальнейшем], если посвящает себя выстраиванию собственной самоидентификации как „философа“»¹⁴, — пояснял Бурдьё. А Бурдьё жаждал самоидентификации. Он родился в 1930 году в Дангене, крошечной деревушке близ Беарна, его отец был издольщиком** и почтальоном в одном лице и так и не завершил образование. В одиннадцать лет Бурдьё получил стипендию на обучение в школе-пансионе в городе По — центре

* Жан-Поль Шарль Эмар Сартр (*фр.* Jean-Paul Charles Aymard Sartre, 1905–1980) — французский философ, представитель атеистического экзистенциализма (в 1952–1954 годах Сартр склонялся к марксизму; впрочем, и до этого позиционировал себя как человек левого толка), писатель, драматург и эссеист, педагог.

** Издольщик — земледелец, платящий за аренду земли долей урожая.

исторической области Беарн. Но годы, проведенные в пансионе, оказались крайне тяжелыми. Деревенский мальчишка в окружении богатых городских детей из По, Бурдые чувствовал себя неполноценным. «Я думаю, что Флобер* был в чем-то прав, считая, что „тот, кто познал школу-пансион, узнал к двенадцати годам о жизни почти все“¹⁵, — отмечал он. — Я жил [в школе-пансионе] в состоянии неизбывной ярости... зажатый между двумя мирами».

Пытаясь найти свое место среди сверстников, Бурдые преуспевал в обучении и играл в регби с дикой страстью; этот вид спорта был безумно популярен на юго-востоке Франции. Но французское общество было крайне неоднородно и отличалось классовой расслоенностью: здесь людей разделяли на группы на основании множества едва уловимых сигналов, запечатленных в языке, поведении, культуре и отношениях. Бурдые чувствовал себя чужаком и постоянно бунтовал против жесткой дисциплины.

«Старое здание [школы] XVII века, огромное и скучное, с необъятными коридорами, белыми сверху и зелеными внизу стенами и монументальными каменными лестницами... не оставляло тайного уголка для уединения, ни убежища, ни передышки, — вспоминал Бурдые. — Взрослый человек, который пишет эти строки, не знает, как смог пережить ребенок, который жил в таких условиях, те страшные моменты отчаяния и гнева, как смог преодолеть он свою жажду мести»¹⁶.

В семнадцать лет Бурдые спасается, получив право на стипендию, в элитной Высшей нормальной школе** в Париже, где начинает изучать философию. Закончив учебное заведение с высокими оценками, он присоединяется к исследовательской программе для аспирантов, чтобы изучать эпистемологию (или систему знаний) Мориса Мерло-Понти***, французского мыслителя начала XX века, работающего в области феноменологии.

Но вскоре его жизнь неожиданным образом меняется. В 1955 году, в возрасте двадцати пяти лет, Бурдые призвали на службу в армию.

* Гюстав Флобер (*фр.* Gustave Flaubert, 1821–1880) — французский прозаик-реалист, считающийся одним из крупнейших европейских писателей XIX века.

** Высшая нормальная школа (*École normale supérieure*) — французское государственное учреждение в сфере высшего образования, в подчинении Министерства высшего образования и научных исследований Франции.

*** Морис Мерло-Понти (*фр.* Maurice Merleau-Ponty, 1908–1961) — французский философ, один из представителей феноменологии и приверженец экзистенциализма.

Как правило, отличившиеся студенты служили в качестве офицеров в приятной сельской местности. Но во время призыва Бурдые в южной французской провинции разразилась кровавая гражданская война. Французский Алжир находился под властью Франции более ста лет, но в 1954 году алжирские повстанцы потребовали независимости.

Бурдые не стремился на фронт: как и многие представители французской интеллигенции, он испытывал отвращение к колониализму и был принципиальным противником Алжирской войны. Тем не менее его отправляют на фронт. «Я впервые оказался в Центре психологической помощи в Версале, следуя привилегированному маршруту для студентов Высшей нормальной школы, — поясняет он. — Но жаркие споры с вышестоящими офицерами, которые хотели видеть меня в L'Algérie Française [Французском Алжире]*, привели к новому назначению»¹⁷.

Летом 1955 года Бурдые направляется на юг через Средиземное море в военную часть, «созданную невежами из Майенна и Нормандии и несколькими упрямыми»¹⁸. На корабле он «напрасно пытался ознакомить солдат с определенными идеями», имеющими явный антивоенный характер. Но у солдат уже сложилось предвзятое мнение об Алжире, они усвоили взгляд на то, как нужно относиться к алжирцам. «Еще не оказавшись в Алжире, они приобрели и использовали словарный запас бытового расизма, повинувшись принятой в военной среде норме», — сокрушался Бурдые. До перевода в столицу Алжира он провел месяцы в изоляции в пустынном городе Орлеансвилль, защищая склад боеприпасов от партизанских атак.

Пока разгоралась война, Бурдые использовал каждую свободную минуту, работая над докторской диссертацией в крошечной комнатухе алжирского гарнизона. Наука стала для него спасением от ужасов несправедливой войны. Но постепенно философия перестала удовлетворять его духовному поиску.

В изысканной, безопасной, интеллектуальной атмосфере Парижа Бурдые полагал, как и многие молодые представители французской интеллигенции, что абстрактная философия таких мыслителей, как Сартр или Мерло-Понти, предлагает идеальный ключ к пониманию мира. Но в ужасных

* Французский Алжир — французская провинция на территории современного Алжира, существовала в 1830—1962 годах.

условиях алжирской войны мысль о том, что одна только абстрактная философия может объяснить реальную жизнь, оказалась смешной. В конце 1955 года восставшие алжирцы атаковали склады боеприпасов, убивали французских военных и мирных жителей. Французская армия отвечала жестокой тактикой: военные вторгались в дома, арестовывали тысячи людей по малейшему подозрению в принадлежности к бунтовщикам, пытали пленных, бомбили деревни и переселяли десятки тысяч людей из горных деревень в изолированные квазилагеря. Итак, Бурдые сменил тему работы и решил написать книгу о реальной жизни в Алжире, а не о философии Мерло-Понти. «[Я хотел] рассказать жителям Франции... о том, что на самом деле происходит в стране, о которой они почти ничего не знали... чтобы быть полезным и, возможно, не допустить угрызений совести беспомощного свидетеля отвратительной войны»¹⁹. И для этого он обратился к дисциплине, которая только начинала входить в моду благодаря работам французского ученого Клода Леви-Стросса. Это был мир антропологии.

Некоторым интерес Бурдые к антропологии казался необъяснимым. Антропология считалась странной областью науки: ее предмет было трудно выделить и еще труднее объяснить его неспециалистам. Несмотря на то что термин «антропология» употреблялся многими классическими и неклассическими мыслителями, специальной философской дисциплины долгое время не существовало.

Слово «антропология» греческого происхождения (от *anthropos*, буквально означает «изучение человека»), и первое известное упоминание о попытках систематического изучения человеческой культуры находится в трудах греческого историка Геродота* в 450 году до н. э. Геродот писал о битвах между греками и персами и посвятил достаточно большую часть работы анализу культурных различий, которые он наблюдал, их сравнению и выделению отдельных социальных систем и стандартов поведения²⁰. В XVII и XVIII веках антропология возникает снова в связи с изучением

* Геродот Галикарнасский (около 484 г. до н. э. — около 425 г. до н. э.) — древнегреческий историк, автор первого сохранившегося полномасштабного исторического трактата — «Истории», — описывающего греко-персидские войны и обычаи многих современных ему народов. Как древнегреческая поэзия начинается для нас с Гомера, так практически историография — с Геродота; предшественников его называют логографами.